

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ***

Возникновение и развитие "новой" процессуальной археологии. В современной археологической науке одним из наиболее разработанных с теоретической точки зрения и получивших широкое практическое применение направлений является процессуальная или "новая" археология. Ее появление связано с теми кардинальными изменениями в теории и практике американской культурной и британской социальной антропологии, которые произошли после Второй мировой войны. Как отмечает ряд исследователей, в 50-е годы XX в. в американском и западноевропейском антропологическом сообществе неудовлетворенность существовавшей тогда методологией исследования достигла своей критической отметки. Эта неудовлетворенность была связана не столько с техникой ведения раскопок археологических памятников или с методами их датировки, сколько с той методологией, которая использовалась при анализе полученного в результате этих раскопок полевого материала и проведении реконструкций (Renfrew, Bahn 2000: 38).

Один из признанных лидеров процессуальной археологии Льюис Бинфорд, анализируя причины, которые привели к возникновению "новой археологии", писал в книге "В погоне за прошлым": "Те из нас, кто начал свою карьеру в конце 50-х – начале 60-х годов, работали в традиционном ключе. Большая часть наших учителей решала проблемы определения возраста памятников, изучая изменение типов артефактов и сопровождающего археологические находки материала. Поэтому тот методологический опыт, который получило наше поколение, касался того, как необходимо сравнивать ансамбли артефактов, составлять серии в надежде, что такие серии каким-нибудь образом отражают возраст изучаемых индустрий" (Binford 1983: 95).

Таким образом, старые диффузионистские концепции, базировавшиеся на эмпиризме и релятивизме, уже не могли соответствовать задачам, которые ставила перед собой новая генерация археологов. Новой теоретической базой стала теория американского антрополога Лесли Уайта, положившая начало неэволюционистскому направлению. Основные теоретические положения "новой археологии" были изложены Л. Уайтом в трех его фундаментальных работах: "Наука о культуре" (1949), "Эволюция культуры" (1959) и "Понятие культурных систем: ключ к пониманию племен и наций" (1975). Он рассматривал культуру любого самостоятельного общества людей как целостную систему, все составные части которой взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, а изменения в одной части влекут за собой изменения во все частях (Кениг 1997). Сторонники "новой археологии", что характерно для американской традиции, рассматривали археологию как одну из антропологических дисциплин и поэтому оказались весьма восприимчивы к теории Л. Уайта. В 1962 г. вышла статья Л. Бинфорда "Археология как антропология", в которой была предпринята попытка обосновать идею о возможности реконструкции различных сторон жизни первобытных культур на основе материальных остатков. При этом Л. Бинфорд подчеркивал, что археология наряду с культурной и социальной антропологией способна стать не только описывающей, но и объясняющей наукой (Binford 1962).

С самого начала в разработке теоретической базы этого нового для зарубежной археологии направления доминировали ученые, занимавшиеся преимущественно исследованием обществ охотников и собирателей. Для того чтобы связать между собой

Олег Владимирович Кузнецов – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурной и социальной антропологии Читинского государственного университета.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 03-06-80299).

"теорию высокого уровня" и конкретные археологические исследования, они предложили ввести понятие "теория среднего уровня". Исследователи, конечно, по-разному понимали те задачи, которые была призвана решать теория среднего уровня. Для А. Гудеара, который, собственно, и заимствовал из социологии указанный термин, смысл такой теории заключался в том, что она должна была служить для связи между "эмпирическими заключениями низкого порядка и теорией высокого уровня" (Good-year et al. 1978: 159). Для Д. Томаса теория среднего уровня была необходима для того, чтобы "выявить скрытые значения и смысл археологических объектов, а так же определить связи между археологическими объектами и тем поведением, результатом которого они являются" (Thomas 1979: 398).

Поскольку в "новой археологии" четкие, логически выверенные процедуры были призваны играть решающую роль в процессе реконструкции, данное направление в археологической теории получило также название "процессуальная археология". На Европейском континенте в тот период близкие идеи развивались английским археологом Дэвидом Кларком, который в книге "Аналитическая археология" выступил за использование более сложных исследовательских процедур и количественных методов исследования, а также призвал заимствовать идеи и концепции из других наук, в том числе географии (Clarke 1958). Вообще заимствование терминов и понятий из других дисциплин социального и естественно-научного цикла было весьма характерно для процессуальной археологии.

Первое десятилетие развития "новой археологии" получило в литературе название "функционально-процессуального", так как раннему периоду оказалось присуще увлечение функциональными и экологическими интерпретациями. В конце 1980-х – начале 1990-х годов ранний период сменился "познавательно-процессуальной" археологией, которая кроме функционального изучения включает в программу исследования символические и познавательные аспекты социокультурных систем (Кузнецов 2004). Как бы то ни было, после "революции шестидесятых" англо-американская, да и континентальная европейская археология уже не могла оставаться прежней, поскольку с ней случилось то, что Дэвид Кларк, с присущим ему британским юмором, назвал "потерей невинности".

Процессуальная археология и этноархеология. Изучение традиционных обществ входило в сферу компетенции этнографии, или, как ее именовали в США, – культурной, а в Великобритании – социальной антропологии. Уже в XIX в. европейские и американские археологи часто прибегали к использованию информации, полученной этнографами о так называемых примитивных обществах Африки, Австралии и Нового Света. Однако используемый ими метод так называемых этнографических параллелей применялся для анализа археологических культур прямо и некритически, что тем самым дискредитировало саму идею. Тем более что и сами археологи, заинтересованные в привлечении имеющихся этнографических данных для интерпретации археологического материала, довольно быстро осознали, что книги и статьи по этнографии не в состоянии дать удовлетворительного ответа на интересующие их вопросы и что необходимая информация может быть получена не этнографами, а только самими археологами (Bettinger 1991: 62).

Осознание этой проблемы стало причиной появления во второй половине 1950-х годов в англо-американской археологии целого ряда научных направлений, таких как "археология действия", "археологическая этнография", "живая археология", объединенных единой целью изучения "живых" традиционных культур. Название одного из таких направлений – "этноархеология" (Ethnoarchaologie, Ethnoarchaeology, Ethnoarcheologie) – уже в 1960-е годы практически полностью вытеснило все остальные, а затем в 1970–1980-е годы стало общеупотребительным (Шнирельман 1988).

Начало развитию этноархеологии положили исследования Ричардом Гоулдом жизни австралийских аборигенов, Ричардом Ли – южноафриканского племени *!кунг*, а

также ставшие классические работы Льюиса Бинфорда об эскимосах-нуннамиутах Аляски (*Renfrew, Bahn 2000: 136*). Важной сферой применения этноархеологических исследований является первобытная археология (*Prehistoric Archaeology*). Специалисты, занимающиеся доисторической археологией, используют данные этноархеологии о жизни обществ охотников и собирателей при реконструкции стратегии жизнеобеспечения, структуры человеческих групп при определении типа социокультурной адаптации. Этноархеология помогает глубже понять характер древних поселений, закономерности их размещения во вмещающем ландшафте, сезонную мобильность человеческих групп, организацию хозяйственного уклада, а также социальную организацию человеческих коллективов. Основываясь на общих для вида *Homo sapiens* законах человеческого поведения, этноархеологи пытаются выявлять связи между человеческим поведением и материальной культурой, используя этнографические и этноисторические данные для проверки гипотез, разработанных на основе интерпретации археологических материалов.

Пожалуй, наибольшую известность получили этноархеологические исследования Л. Бинфорда по изучению стратегии жизнеобеспечения и организации поселений эскимосов Аляски, которые послужили основой для его интерпретации палеолитических культур Франции. Результаты его наблюдений об использовании и утилизации костного материала на сезонных эскимосских стойбищах Маск Сайт и Анактувук позволили ему прийти к выводу, что изучение организации поселений современных охотников и собирателей, размещения поселений в окружающем ландшафте, их сезонной мобильности позволяет понять механизмы, посредством которых происходило формирование культурных остатков на мустьерских археологических памятниках. Эти, на первый взгляд, довольно тривиальные наблюдения, тем не менее, сыграли очень важную роль в понимании и интерпретации материалов археологических поселений среднего палеолита. Отличие его подхода от традиционного метода "этнографических параллелей" состояло в том, что эскимосы-нуннамиуты Аляски не рассматривались в качестве прямой аналогии для мустьерского населения Франции. Исследования Л. Бинфорда убедительно доказали, что существуют некоторые закономерности человеческого поведения, которые определяются характером хозяйственного уклада и поэтому являются общими для любых культур мобильных охотников и собирателей как прошлого, так и исторического настоящего.

В 1980–1990-е годы немало ученых использовали этноархеологический метод: в Западной Европе, например, во Франции (*Beyries, Petrequin 2001*), Испании (*Ethnoarchaeology 2004*), Норвегии и Швеции (*Grøn et al. 1999; Nordic 1989*), в странах Азии (*Allchin 1994*). В Российской Федерации, несмотря на глубокие традиции отечественной археологии и этнографии, этноархеология как самостоятельное научное направление получила развитие лишь в последние годы и прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге и в Сибири. В российской науке в настоящее время отсутствует единая общепринятая точка зрения: предлагаются различные варианты трактовки понятия "этноархеология", определения объекта и предмета исследования (*Васильев 1985, 2000; Кениг 1996, 1997; Клейн 1998; Мельникова 1998; Томилов 1999, 2000; Шнирельман 1984, 1988*).

В.А. Шнирельман считает, что "объектом исследования этноархеологии служит материальная культура современных народов, а предметом – специфика отражения в ней особенностей поведения людей и их социальных взаимоотношений. Для этого проводятся этнографические наблюдения и раскопки поселков и стоянок, сравнительно недавно оставленных людьми, причем данные, полученные от информаторов, сопоставляются с материалами раскопок. Тем самым вскрываются взаимосвязи между материальной культурой и ее остатками, с одной стороны, и живой социальной действительностью, с другой. На этой основе строятся гипотетические модели, способные служить археологам, изучающим древние памятники, для постановки исследовательских задач и выработки соответствующей стратегии поиска. Так решается одна

из задач, стоящих перед этноархеологией – совершенствование процедуры первобытноисторических реконструкций" (*Шнирельман* 1988: 95).

Более широко определяет это понятие "этноархеология" Н.А. Томилов: этноархеология – это "особая научная дисциплина, имеющая в своей структуре методологию и теорию конструирования моделей прошлого (в нашем понимании – этнокультурных систем), историографию интеграции археологии и этнографии, этноархеологическое источниковедение, методику конструирования и реконструкции (для более ранних периодов истории человечества) моделей прошлого и фактические (эмпирические) исследования методами этноархеологии социумов и культур разных исторических эпох и их динамики" и далее: "объект этноархеологии составляют, исходя из предложенного выше ее предназначения, социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми путем интеграции археологического и этнографического познаний. Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами" (*Томилов* 1999).

Цель этноархеологии – разработка аналоговых моделей, используемых для анализа археологических данных и верификации основанных на этих данных, гипотетических реконструкций. Для достижения указанной цели этноархеология использует такие методы исследования, как изучение письменных источников, работа с информантами, аудио-, фото- и видеофиксация, включенное наблюдение, изучение процессов изготовления и использования артефактов, создания и использования различных хозяйственных построек и конструкций, раскопки поселений и жилых структур, а также изучение процессов перехода объектов "живой" культуры в тафономическое состояние.

Этноархеология и поселенческая археология охотников и собирателей. В отличие от более раннего периода, в сферу интересов современной этноархеологии входит изучение не только традиционных и сегментарных, но также индустриальных обществ. Достаточно вспомнить знаменитый "мусорный проект" Вильяма Рэтье (*Renfrew, Bahn* 2000: 13). Наиболее важным направлением в развитии этой отрасли археологической науки по-прежнему остаются исследования обществ охотников и собирателей. Столь пристальное внимание к этим сообществам вполне закономерно, поскольку изучение их материальной, духовной культуры и социальной организации всегда имело особое значение для первобытной археологии. Охота и собирательство до появления земледелия и скотоводства были универсальным типом социокультурной адаптации для всего человечества, и даже всего 500 лет тому назад примерно треть населения планеты Земля продолжала придерживаться именно этого образа жизни.

Этноархеология рассматривает общества охотников и собирателей как сложные, открытые адаптивно-адаптирующие социокультурные системы, содержащие механизмы прямых и обратных, негативных и позитивных, стабильных и/или нестабильных взаимосвязей. Между коллективами охотников-собирателей и окружающей природной средой существует взаимосвязь, которая проявляется в устойчивых сезонных ритмах жизнедеятельности групп. Эти ритмы находятся в соответствии с сезонными климатическими изменениями, состоянием жизнеобеспечивающих ресурсов вмещающего ландшафта, спецификой поведения промысловых животных. На наиболее ранних этапах развития человечества сообщества охотников и собирателей находились в сильной зависимости от своего природного окружения, однако это не означает, что исключительно природная среда обеспечивала мотивацию изменений и что социокультурное развитие есть не более чем ответная реакция на изменения окружающей

среды. Изменения природной среды определяли необходимость социокультурных мутаций, но их направление обеспечивалось сложившейся социальной организацией традиционного общества.

Социокультурная адаптация, таким образом, понимается как процесс, основанный на отборе тех поведенческих вариаций, которые являются наиболее продуктивными и адекватными для конкретной окружающей среды, и предполагает создание устойчивых механизмов передачи этих успешных поведенческих стратегий. Понимание этих адаптационных процессов зависит от объема нашей информации о поведении человека в традиционных сообществах. Это позволяет, по крайней мере, на стадии выдвижения рабочих гипотез использовать для анализа археологических материалов и дальнейшей верификации археологических реконструкций этнографические, этноархеологические и этноисторические данные (Binford 1983; Bettinger 1991; Peoples, Bailey 1991).

Широкую популярность в научном сообществе получили исследования, проведенные Л. Бинфордом в эскимосском поселении Маск Сайт, позволившие ему предложить свою интерпретацию структуры организации культурного слоя верхнепалеолитического поселения Пинсевен во Франции. В отличие от французского археолога Андре Леруа-Гурана, который интерпретировал остатки трех очагов как жилой комплекс покрытых шкурами конструкций, Л. Бинфорд, используя свои полевые наблюдения на поселении Маск Сайт, доказал, что концентрация культурных остатков вокруг очагов Пинсевена – результат деятельности людей, находившихся под открытым небом. По его мнению, люди сидевшие около костра, были вынуждены периодически перемещаться вокруг него и сооружать новые очаги с подветренной стороны, чтобы не оказаться в дыму. Поскольку такое поведение, получившее отражение в материальных археологических кореллятах, было характерно только для людей, находившихся вне крытых жилищ, Л. Бинфорд пришел к выводу, что реконструкция, предложенная известным французским исследователем, в принципе неверна.

Задачи современной этноархеологии не ограничиваются изучением внутренней структуры организации одного отдельно взятого поселения: они касаются также организации всей поселенческой системы, для полноты реконструкции жизнедеятельности охотников и собирателей представляется необходимым исследовать всю территорию, на которой действовала мобильная группа. Применение методов этноархеологии позволяет выявить различные функциональные типы поселений – долговременные базовые сезонные поселения, транзитные кратковременные лагеря, охотничьи стоянки, места забоя и разделки животных, хранилища и т.д. Изучение этих разнообразных следов жизнедеятельности человеческих групп очень важно для реконструкции образа жизни охотников и собирателей в пределах сезона и годового цикла. Это означает и то, что кроме самих археологических памятников необходимо изучать окружающую их природную среду, выявить, каким образом осуществлялась адаптация человеческих групп к этим климатическим и природным условиям.

Хороший пример исследования пространства, расположенного между поселениями, дают работы английского ученого Роберта Фоули в южной Кении. По его наблюдениям, группа охотников и собирателей из 25 человек в течении года утилизирует около 163 тыс. каменных орудий на занимаемой ими территории. Эти артефакты были распределены по всей территории обитания группы с четко выраженной концентрацией в тех зонах, где размещались базовые и временные охотничьи лагеря (Renfrew, Bahn 2000: 192). Этноархеологические исследования Р. Фоули убедительно показали, что в процессе раскопок в руки исследователей попадает лишь небольшая часть тех орудий, которые когда-то в древности использовались одной и той же группой в течение всего годового цикла.

Зародившийся некогда в рамках новой процессуальной археологии этноархеологический метод сегодня успешно применяется и сторонниками постмодернистского

(постпроцессуального) направления. В качестве примера можно привести работы известного английского археолога Яна Ходдера о распространении на локальном уровне украшений африканских племен, живущих в районе оз. Баринго (Кения). Исследования территориального распределения типов ушных украшений позволили выявить, каким образом материальная культура (в данном случае украшения) отражают существующие этнические отличия между племенами (*Renfrew, Bahn 2000: 174*)

Этноархеологический метод изучения организации поселений и жилищ охотников и собирателей позволяет решать и более серьезные проблемы, связанные с определением систем родства и демографии традиционных обществ. Так, работы Джона Иеллена об организации поселений племени !кунг (пустыня Калахари) позволили ему выявить, что размер человеческой группы зависит от сезона года. В засушливый сезон для племени !кунг характерны крупные, относительно долговременные поселения, насчитывающие от 35 до 60 человек, а в период дождей популяция разделяется на несколько самостоятельных групп. И в каждом лагере обитают одна или ряд родственных семей в течение всего нескольких дней. Изученное в засушливый период названным ученым крупное поселение представляло как бы агломерацию нескольких жилищ, расположенных по кругу, со своим очагом, навесом и рабочим пространством, прилегающим к очагу.

Дж. Иеллен также отметил, что существует устойчивая корреляция дистанции между жилищами на поселении и "дистанции" родства между живущими в них семьями. Английский археолог Тодд Витлоу подтвердил, что жилища и очаги, принадлежащие членам одной расширенной семьи племени !кунг, действительно располагаются ближе друг к другу и что социальная дистанция между членами семьи соответствует физической дистанции между жилищами (*Ibid.: 193*).

На сегодняшний день в зарубежной археологии существует множество работ, освещающих стратегию жизнеобеспечения и организацию поселений охотников и собирателей на основе использования этнографических и этноархеологических данных (*Bettinger 1991; Binford 2000; David, Kramer 2001; Gamble, Boismier 1991; Kelly 1995*). Названные авторы обращают внимание на ряд серьезных проблем, связанных с разработкой методики и практического применения этноархеологических данных для верификации археологических реконструкций.

Этноархеология и стратегии жизнеобеспечения и поселения охотников и собирателей: foragers vs. collectors. Использование этноархеологического метода исследования сообществ охотников и собирателей, живущих в разных географических регионах и в различных природных условиях, при всем их многообразии, позволяет выделить две основные стратегии жизнеобеспечения и поселения, отражающие особенности адаптации человеческих коллективов к окружающей природной среде. Важный вклад в использование этнографических данных для интерпретации археологического материала внесла так называемая теория оптимального собирательства, которая возникла в американской культурной антропологии в 1980-е годы и которая сегодня продолжает играть ведущую роль среди других теорий среднего уровня в зарубежной антропологии и археологии. Теория оптимального собирательства пришла из биологии, которая, в свою очередь, заимствовала ее из теоретической экономики, связанной с решением проблем потребительского выбора индивидов и принятия ими рациональных решений в условиях ограниченных ресурсов при неограниченных потребностях (*Bettinger 1991: 84*). Согласно теории оптимального собирательства, выбор коллективом той или иной стратегии жизнеобеспечения определяется рядом факторов, главные из которых следующие: 1) размер и внутренняя структура человеческого коллектива; 2) присутствие на определенной территории конкурирующих групп; 3) наличие и доступность необходимых для жизнеобеспечения коллектива природных ресурсов; 4) сезонные флуктуации природных ресурсов на территории, доступной для человеческого

коллектива; 5) количество времени и энергии, затраченной для получения определенного ресурса; 6) ценность тех или иных ресурсов для жизнеобеспечения коллектива.

Серьезное влияние на развитие теории оптимального собирательства имело введение Л. Бинфордом понятия "эффективной температуры" (ЭТ) как интегральной оценки соотношения между продуктивностью окружающей среды, сезонной флуктуацией ресурсов и организацией поселенческой системы охотников и собирателей. Там, где ЭТ относительно высока (от 25 до 21 пункта), условия окружающей среды более или менее однородны и отсутствуют сезонные флуктуации необходимых ресурсов, годовой цикл перемещения группы охотников и собирателей по определенной территории состоит из серии повторяющихся периодов. В течение каждого периода локальная группа размещается на базовом поселении, эксплуатируя ресурсы, доступные на окружающей территории. Когда же эти ресурсы заканчиваются, базовое поселение перемещается на новое место. Отсутствие серьезных сезонных и пространственных отличий в распределении ресурсов приводит к тому, что эти базовые поселения имеют сходную внутреннюю структуру и содержат, как правило, близкий по своим характеристикам археологический материал. При такой системе локальная популяция как бы "накладывается" на имеющиеся природные ресурсы, перемещая базовое поселение по территории так, чтобы обеспечить наиболее удобный доступ. Для этой системы характерна поселенческая стратегия, получившая название резидентной мобильности. Л. Бинфорд выделяет два различных типа поселений, характерных для этой стратегии: это постоянные поселения (*residential base camp*) и кратковременные стоянки (*locations*). Первые представляют собой тот центр, из которого отдельные специализированные группы отправляются для добычи пищи и сырья и куда они затем возвращаются. Это место – центр производства и обработки, на нем осуществляются основные виды хозяйственной деятельности. В археологическом отношении это означает, что на относящихся к одной группе базовых поселениях, где велись сходные виды хозяйственной деятельности, будет представлен сходный материал.

На кратковременных стоянках, в отличие от постоянных поселений, осуществлялись специализированные виды деятельности, как, например, забой животного, разделка туши, сбор растений и т.д. Такая резидентная стратегия жизнеобеспечения и поселения характерна, к примеру, для охотников и собирателей племени !кунг (Африка, Калахари) и аборигенов восточной Австралии (Lee 1969: 73–94; Gould 1969: 53–74). Для того чтобы подчеркнуть отличия адаптации охотников и собирателей, следующих данной стратегии, в англоязычной археологии используется термин *foragers*. Если резидентная мобильность нарастает, это сразу же отражается на связях между видами деятельности, осуществляемыми на поселении, и археологическими материалами. Если период существования поселения сокращается (т.е. уменьшается период накопления археологических остатков), вероятность наличия функциональной связи между орудиями труда, содержащимися в коллекции, нарастает; возрастает также вероятность того, что функции, представленные орудиями из данной коллекции, связаны именно с этим поселением.

В том случае, если ЭТ изучаемого региона относительно низка (меньше 21 пункта), необходимые для жизнеобеспечения ресурсы окружающей среды территориально и сезонно распределяются неравномерно, вследствие чего население сталкивается с периодами их резкого сокращения в определенные сезоны. Тогда стратегия жизнеобеспечения и поселения охотников и собирателей существенно отличается от резидентной. Сезонные изменения требовали целенаправленной добычи в большом количестве и сохранения "про запас" таких ресурсов, как, например, карибу или лосось, которые имеются в изобилии в течение довольно ограниченного отрезка времени. Использование данной стратегии требовало от групп охотников и собирателей более развитого планирования деятельности и сложно организованной тактики. Создание запасов, с одной стороны, решало проблему сезонных флуктуаций, необходимых для

ресурсов жизнеобеспечения, с другой стороны, делало ненужным постоянное частое перемещение базового поселения, что требовало более сложную поселенческую систему.

Создание хранилищ как бы привязывает популяцию к определенной территории, на которой возникает устойчивая сеть коммуникаций между различными типами поселений и хранилищами приготовленной на зиму пищи (Steward 1938). Такая стратегия жизнеобеспечения и поселения получила название *логистической*. Она заключается в том, что в определенный сезон группы вынуждены перемещаться по определенным маршрутам в целях более эффективной эксплуатации необходимых для жизнеобеспечения природных ресурсов. Для этой стратегии, в отличие от резидентной, характерно разделение годового цикла на отдельные периоды снижения или же изменения характера хозяйственной активности (например, зимой), которые, в свою очередь, сменяются периодами резкой активизации деятельности охотников и собирателей. Использование данной стратегии связано с изменениями в составе орудий и охотничьего вооружения. И то, и другое подготавливается заранее, и его большая часть используется только в определенный короткий период для специальных операций. Вот хорошая иллюстрация такого поведения: каяк эскимосов племени нетсилик используется только летом и все остальное время года хранится в специальном месте (Balicki 1970). Если foragers, которым нет необходимости сохранять ресурсы, добывают себе пищу, используя ограниченный набор орудий и охотничьего вооружения, предназначенного для долговременного употребления и широкого функционального применения, то collectors вынуждены добывать пищу в большом количестве и "про запас". Последние за счет от использования сложного в изготовлении и высокоспециализированного по своим функциям вооружения, которое, будучи сделанным однажды, бережно сохраняется и употребляется только в определенных обстоятельствах, для которых оно было произведено (Torrence 1983; Bamforth 1986).

Применение логистической стратегии жизнеобеспечения естественным образом влекло за собой соответствующие изменения в поселенческой стратегии. В дополнение к двум типам поселений – базовым поселениям и кратковременным лагерям целевых групп, характерным для foragers, – система поселений охотников и собирателей типа collectors включает в себя также транзитные полевые лагеря для небольших групп охотников и собирателей, хранилища для ресурсов, а также стоянки для сбора информации о состоянии природных ресурсов. Системы организации жизнеобеспечения и поселения у collectors и foragers различаются в том, как они строят отношения между популяцией и ресурсами. У первых эти отношения более предсказуемы и структурированы и менее гибки. Охотничьи партии (целевые группы) отправляются из расположенных в центре базовых поселений, чтобы в результате охоты или собирательства получить какой-либо вид ресурсов и вернуться обратно с добычей. Если foragers отвечают на временную и пространственную нехватку ресурсов перемещением базового поселения, то collectors реагируют на сезонную нехватку ресурсов путем сохранения ресурсов, а на пространственное несовпадение расположения популяции и ресурсов – логистической мобилизацией, т.е. перемещая специальные целевые группы охотников и собирателей в определенные места для более эффективной эксплуатации ресурсов с помощью более высоко специализированной технологии и тактики. Логистическая стратегия, которую применяют охотники и собиратели этого типа (collectors), отражается в особенностях поселенческой организации и фиксируется археологически в специализации по видам хозяйственной деятельности между функционально различными поселениями, используемыми одной группой.

Реконструкция характера адаптации охотников и собирателей верхнего палеолита Западного Забайкалья: этноархеологический подход. Реконструкция характера социокультурной адаптации охотников и собирателей должна быть основана прежде всего на информации, извлекаемой из самих археологических источников. В про-

цессе реконструкции обычно используются такие археологические данные, как мощность культурного слоя, его внутренняя структура, технологические, типологические, функциональные характеристики каменного и костяного инвентаря, функционально различные и выделяемые планиграфически зоны, связанные с определенными видами человеческой деятельности, а также наличие различных структур обитания. Особенности внутренней структуры отдельных поселений, всей системы их расположения во вмещающем ландшафте также могут свидетельствовать об особенностях социальной организации обществ охотников и собирателей (*Леви-Стросс* 1983; *Gamble, Boismier* 1991; *Renfrew, Bahn* 2000). Кроме археологических источников в процессе реконструкции социокультурной адаптации должны быть использованы геологические, палеогеографические, палеоклиматические, фаунистические и палинологические данные, позволяющие нам судить о среде обитания и палеоэкологии древнего человека.

Так как генезис культуросодержащих горизонтов различен, археологические материалы не всегда могут быть использованы для реконструкции социокультурных систем прошлого. Отдельные случайные находки артефактов, часто пребывающие в переотложенном состоянии, найденные вне первоначального контекста, являются не более чем элементами уничтоженных временем систем, разрозненными и потерявшими былые связи. В данной ситуации реконструкция существенно осложняется и может быть ограничена лишь самыми общими чертами. Поэтому даже на этапе постановки задачи совершенно необходимое условие – наличие культурного слоя с первичной (непереотложенной) концентрацией археологического материала (*Леонова* 1991). В то же время в поселенческой археологии известны ситуации, когда исследователям удается обнаружить культуросодержащие отложения с первичной концентрацией, содержащие остатки древних поселений, в целом сохранивших свою первоначальную структуру. В этом случае они служат для археолога уникальным источником для реконструкции социокультурных систем прошлого (*Кузнецов* 1996, 2003; *Grøn et al.* 2001; *Grøn, Kuznetsov* 2001, 2003a, 2003b).

Археологические исследования, проводившиеся в Забайкалье в 1970–1990-е годы, позволили обнаружить серию многослойных поселений, датируемых в интервале от позднего палеолита до эпохи палеометалла, в которых были зафиксированы различные структуры обитания (жилые и хозяйственные конструкции), выделены разные зоны концентрации археологического и фаунистического материала (*Константинов* 1994, 2001). Результаты изучения археологических памятников позднеплейстоценового-раннеголоценового возраста позволяют говорить о смене стратегии жизнеобеспечения на границе ранней и поздней поры верхнего палеолита, которые были вызваны изменениями в составе промысловой фауны (*Кузнецов* 1996, 2003). Исчезновение крупных млекопитающих – основной добычи в раннюю пору верхнего палеолита – привело к серьезным изменениям в охотничьей стратегии древнего населения. Если на поселениях ранней поры, таких как Толбага и Варварина Гора (40 тыс. – 18 тыс. лет назад), главными объектами добычи служили шерстистый носорог, лошадь и в меньшей степени северный олень, бизон, архар, винторогая антилопа, благородный олень, то для памятников поздней поры верхнего палеолита (18 тыс. – 10 тыс. лет назад), например, поселений Косая Шивера-I, II, Студеное-I, II и Усть-Менза-I, II, III, картина несколько иная. В это время основными объектами охоты оказались благородный олень, таежный северный олень и косуля. С изменением состава фаунистического комплекса, а, следовательно, и объектов охоты, выработывалась иная охотничья и поселенческая стратегия, иной тип социокультурной адаптации.

В условиях горно-таежного ландшафта Западного Забайкалья миграция человеческих коллективов происходила преимущественно вдоль речных долин, поэтому все поселения позднего палеолита расположены в непосредственной близости от реки и связаны с отложениями надпойменных речных террас. Для них характерно "гнездовое" расположение, при котором несколько многослойных, разновременных поселе-

ний сконцентрированы в местах впадения в реку менее крупных притоков. Изменение поселенческой стратегии хорошо фиксируется в материалах поздней поры верхнего палеолита.

Для поселений ранней поры верхнего палеолита, таких как Толбага, Варварина Гора, были типичны отдаленная от береговой линии рек дислокация, насыщенный археологическим материалом (артефактами и фаунистическими остатками) культурный слой, наличие жилых конструкций с признаками их частичной перестройки, хозяйственных ям, золистых высыпок, что позволяет оценивать их как поселения долговременного, базового, сезонного типа. Поселения поздней поры верхнего палеолита по характеру внутренней структуры, мощности культурного слоя, индустрии, облику жилых и хозяйственных комплексов принципиально отличаются от поселений, обычных для ранней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (*Константинов 1994*).

В позднем палеолите основными объектами охоты становятся копытные животные, не образующие крупных стад. В противоположность типичным для открытых пространств Восточной Сибири сезонным миграциям крупных массивов копытных животных (северного оленя), в горно-таежном Забайкалье с его мозаичными ландшафтами животные, служившие добычей для первобытного человека, были дисперсно рассеяны по всей охотничьей территории, что требовало изменения стратегии жизнеобеспечения древних охотников. Позднепалеолитические охотники передвигались по определенному маршруту вдоль рек, делая кратковременные остановки, периодически переходя на новые угодья. Для добычи благородного оленя, косули, таежного северного оленя они использовали приемы охоты индивидуальной или небольшими группами, которая, естественно, требовала и новой, более мобильной организации общества, что отразилось и на характере поселений.

При сравнении памятников Западного Забайкалья с сопредельными территориями Восточной Сибири и прежде всего с памятниками южносибирской культурной области, представляется возможным выделить разные варианты организации поселенческой и охотничьей стратегии, различных типов адаптации позднепалеолитического населения. Например, на поселениях поздней поры верхнего палеолита Енисейского региона (Минусинская котловина) основным объектом охоты служил преимущественно северный олень, остальные виды промысловых животных были сопутствующими (*Абрамова 1979а, 1979б*). Не случайно многие памятники позднего палеолита Енисея представляли собой поселения определенного функционального типа, для которого характерны соответствующие избранному виду охоты относительно долговременные, сезонные поселения с насыщенным фаунистическими остатками и артефактами культурным слоем, включающим различные структуры обитания.

Для поселений поздней поры верхнего палеолита Забайкалья, таких как Усть-Менза-I, II, III, Студеное-I, II, Косая Шивера-I, II характерны различные структуры обитания, которые представляют собой не только отдельные зоны концентрации артефактов и фаунистического материала, но и хорошо сохранившиеся очаги с внешней обкладкой, причажные скопления культурных остатков, кладки кольцевой формы из речных валунов. Некоторые структуры обитания, включающие в себя расположенный в центре очаг с обкладкой, причажную зону концентрации культурных остатков и окружающую по периметру внешнюю кольцевую кладку, обычно интерпретируются исследователями как остатки палеолитических жилищ. Разнообразные структуры обитания, зафиксированные на поселениях позднего палеолита Западного Забайкалья, имеют прямые аналоги в материалах таких памятников верхнего палеолита Сибири, как Майнинская стоянка, Уй-I, II и Лиственка (*Васильев 1994*).

Структура организации культурных горизонтов на позднепалеолитических памятниках Забайкалья позволяет сделать вывод о наличии хорошо сохранившихся остатков кратковременных стоянок. Следует отметить, что все структуры обитания, зафиксированные в культурных горизонтах, выражены достаточно четко. Мы не на-

а

б

Эвенкийские поселения: современное (а) и XIX столетия (б). Баунтовский эвенкийский район, Бурятия

блюдаем характерной "смазанности", взаимоналожения структур, обычных для культурного слоя, формировавшегося в течение более длительного времени обитания, как, например, на сезонных, базовых поселениях (Binford 1983).

Уникальность поселений позднего палеолита как раз и состоит в том, что интервал обитания на них был весьма коротким. Достаточно быстрым был и процесс захоронения культурного горизонта перекрывающими его аллювиальными отложениями, ко-

которые накапливались в периоды сезонных наводнений. Поэтому есть основания считать, что в данном случае мы имеем дело с "чистыми" комплексами. Такие признаки, как незначительная мощность культурных горизонтов, их линзовидный характер, многочисленность археологического материала, раздробленность и избирательность фаунистических остатков, характер индустрии, связанной с ремонтом охотничьего вооружения (изготовление вкладышей и основ составного оружия), переработкой продуктов охоты, размещение поселений в непосредственной близости от реки, – это доказательство того, что данные археологические памятники представляют собой кратковременные полевые лагеря охотников и собирателей, которые вели высококомбинированный образ жизни.

Планиграфия культурных горизонтов поселений поздней поры верхнего палеолита Забайкалья показывает, что их пространственная организация имеет хорошо выраженную концентрическую структуру, в которой четко выделяются центр и периферия. Центром поселенческой структуры служил очаг и окружающее его пятно углисто-золистой массы, с которым, как правило, связана наибольшая концентрация фауны и археологического материала. Граница следующей зоны – внешняя кладка жилища, состоящая из более или менее плотно расположенных по периметру речных валунов. Третья (периферийная) зона расположена вокруг жилища и на ней встречаются отдельные находки артефактов и фаунистических остатков, их скопления, отдельные углисто-золистые пятна. В некоторых случаях пространственная организация стоянки включает в себя сочетание двух и более концентрических структур. Жилое пространство как бы мультиплицируется, возникают зоны наложения (интерференции) различных структур обитания, расположенных в одном и том же культурном горизонте.

Интерпретация структур обитания данного типа как остатков легких переносных жилищ типа чума подтверждается результатами, полученными совместной российско-норвежской этноархеологической экспедицией, проводившей в 1997–2000 гг. полевые исследования на севере Забайкалья, в Бурятии и в Каларском р-не Читинской обл. (*Grøn et al.* 1999, 2001; *Grøn, Kuznetsov* 2001).

Север Забайкалья – это территория компактного проживания эвенков-орочен, традиционными видами хозяйства которых были охота и оленеводство, поэтому задачей экспедиции являлось изучение организации поселений и связанных с ними структур обитания. На эвенкийском поселении, расположенном в долине р. Чины, получившем название "Чинейский Аян", были обнаружены каменные кладки округлой формы, расположенные вдоль бровки речной террасы (одни на расстоянии 3–4 м от воды, другие – 6–7 м). Расстояние между конструкциями составляет от 5 до 12 м. Кладки хорошей сохранности и хорошо видны на поверхности террасы даже без дополнительной зачистки. В двух случаях рядом с кольцевыми кладками обнаружены намеренно оструганные жерди, служившие для изготовления каркаса. Диаметр кольцевых кладок составляет от 3 до 3,5 м, в центре располагается очаг, мощность линзы которого в разрезе равна не более чем 3–4 см. Внешняя обкладка очага сооружена из речных валунов.

Для аналогичных конструкций более позднего времени характерно размещение в центре кольцевой кладки каменной вымостки из плоских плиток естественного происхождения в целях постройки небольшой металлической печи.

Изучение эвенкийского поселения "Чинейский Аян" позволило реконструировать организацию его внутренней структуры. На поселении четко выделяются ядро и периферийная зона. Естественными границами территории поселения служат, с одной стороны, река, с другой – заболоченное место. В плане территория поселения представляет собой вытянутый параллельно реке овал. Жилища располагались вдоль речной террасы, ставились входом в сторону реки, что хорошо видно по характерному смещению очагов к задней стенке. Согласно сведениям наших информантов, эвенки не использовали одну и ту же кладку повторно, поэтому каждая из них свидетельст-

вует об одном периоде обитания – от пары недель до месяца. Между конструкцией и параметрами эвенкийских жилищ и жилищ, характерных для позднего палеолита Западного Забайкалья, наблюдаются поразительные совпадения в диаметре и устройстве кольцевых кладок, в конструкции внутреннего очага и размещении внешнего очага, расположенного перед входом в жилище.

Проведенный анализ позволяет построить модель поселенческой стратегии, определить характер социокультурной адаптации позднепалеолитического населения Забайкалья и ее отличие от других типов адаптации палеолитического населения Северной Азии и Северной Америки. Анализ фаунистических остатков показывает, что в период позднего палеолита на территории таежного Забайкалья был распространен хозяйственно-культурный тип мобильных охотников, причем охота не носила специализированного характера. Основными ее объектами служили преимущественно благородный олень, таежный северный олень и косуля; охота на другие виды животных, а также рыболовство носили вспомогательный характер.

О мобильной поселенческой стратегии свидетельствуют такие признаки, как слабая насыщенность культурных горизонтов артефактами и фаунистическими остатками, незначительная мощность культурных отложений, тонкие в сечении углисто-золистые линзы очагов, а также отсутствие взаимоналожения различных зон хозяйственной деятельности. Все эти данные подтверждают предположение о довольно кратковременном периоде обитания охотничьих групп на одном и том же месте. Тот факт, что на исследованных археологических памятниках отсутствуют долговременные, углубленные жилища типа землянок или полуземлянок, тоже говорит о кратковременном характере позднепалеолитических стоянок Забайкалья. Хорошо известные по раскопкам серийные остатки жилищ позднего палеолита позволяют сравнивать их, скорее, с легкими переносными чумами или вигвамами, типичными для мобильных культур Северной Азии и Северной Америки, известными нам по этнографическим данным.

Особенности дислокации в ландшафте и кратковременный характер забайкальских стоянок позднего палеолита показывают, что эти стоянки – как бы отдельные штрихи пунктирной линии, которой отмечен маршрут миграции небольших охотничьих коллективов. Маршруты миграции повторялись от сезона к сезону с относительной регулярностью, возобновляясь с каждым новым годовым циклом в течение тысячелетий. Многослойность исследованных археологических памятников (некоторые включают в себя до 30 культурных горизонтов) служит подтверждением длительного сохранения традиции, в соответствии с которой расположение охотничьих лагерей повторялось практически на одном и том же месте даже через значительные промежутки времени.

Особенности материальной культуры и поселенческой стратегии указывают на достаточно стабильный (если не консервативный) характер адаптации позднепалеолитического человека. Наличие серии однокультурных кратковременных охотничьих лагерей свидетельствует о вероятном использовании охотниками позднего палеолита Западного Забайкалья стратегии жизнеобеспечения, близкой к описанной Л. Бинфордом "логистической стратегии" (Binford 1983), при которой имела место циклическая миграция небольших, высоко мобильных групп в поисках необходимых для жизнедеятельности ресурсов по определенному маршруту, отмеченному лагерями, существовавшими короткое время.

Типология каменного инвентаря и технология его изготовления, традиция сооружения легких переносных жилищ с кольцевыми кладками в основании, состоящими из речных валунов, с размещенным в центре очагом, а также повторяющийся от горизонта к горизонту тип распространения культурных остатков, сохранение традиции дислокации поселений в окружающем ландшафте в течение нескольких тысячелетий, подтверждают мнение, что остатки исследованных в Западном Забайкалье поселений

позднего палеолита скорее всего относятся к различным хронологическим периодам существования единой культурной общности.

Этноархеология как особое направление в науке, зародившееся в рамках "новой археологии", сегодня успешно применяется как сторонниками процессуальной археологии, так и постпроцессуалистами. В отечественной науке, несмотря на давние и прочные традиции объединения археологических и этнографических исследований, восходящих к работам Д.А. Анучина и Ф.К. Волкова, в конце XX в. преобладало критическое отношение к перспективам такого, казалось бы, естественного союза. Методика этноархеологических исследований сделала серьезный шаг вперед. Этноархеологическая тематика сегодня – вполне обычное явление на многих международных конференциях, а полевые этноархеологические работы проводятся на всех, без исключения, населенных человеком континентах. Трудно не согласиться с Л.С. Клейном в том, что для того "чтобы реконструировать прошлое, восстановить исторический процесс, каждая из источниковедческих наук нуждается в других. И этнография, и археология поставляют свои выводы истории, социологии, культурной антропологии и для понимания своих материалов постоянно обращаются к этим синтезирующим наукам, заимствуя, таким образом, информацию, поставленную другими источниковедческими науками и переработанную синтезом. В этом нуждаются обе науки – и археология, и этнография" (Клейн 1998). Этноархеологический подход, наряду с другими методами исследования, может и должен быть использован для анализа и интерпретации материалов там, где это позволяет сохранность и полнота археологических памятников.

Литература

- Абрамова* 1979а – *Абрамова З.А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.
- Абрамова* 1979б – *Абрамова З.А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.
- Васильев* 1985 – *Васильев С.А.* Проблемы реконструкции позднепалеолитических обществ и этноархеологические исследования // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985.
- Васильев* 1994 – *Васильев С.А.* Финальный палеолит Сибири и мадлен Франции: сравнительный анализ структуры стоянок // Археологические вести. 1994. № 3.
- Васильев* 2000 – *Васильев С.А.* Вопросы привлечения этнографических данных для реконструкции палеолитических обществ в отечественной археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000.
- Кениг* 1996 – *Кениг А.В.* К проблеме содержания термина "этноархеология" // Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. IV Всероссийского науч. семинара. Ч. 1. Новосибирск; Омск, 1996.
- Кениг* 1997 – *Кениг А.В.* Из истории становления англо-американской этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа, 1997.
- Клейн* 1998 – *Клейн Л.С.* Археология и этнография: проблема сопоставления // Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. междунар. семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. I. Омск; Санкт-Петербург, 1998.
- Константинов* 1994 – *Константинов М.В.* Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. Улан-Удэ, 1994.
- Константинов* 2001 – *Константинов А.В.* Древние жилища Забайкалья. Новосибирск, 2001.
- Кузнецов* 1996 – *Кузнецов О.В.* Характер культурно-хозяйственной адаптации позднепалеолитического населения западного Забайкалья // 100 лет гуннской археологии. Номадизм, прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. II. Улан-Удэ, 1996.
- Кузнецов* 2003 – *Кузнецов О.В.* Этноархеология охотников и собирателей Забайкалья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003.

- Кузнецов 2004 – Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск, 2004.
- Леви-Стросс 1983 – Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.
- Леонова 1991 – Леонова Л.Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1991.
- Мельникова 1998 – Мельникова О.М. Заметки о содержании этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. междунар. семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. II. Омск; Санкт-Петербург, 1998.
- Томилов 1999 – Томилов Н.А. Этноархеология: новое направление в Российской науке // Вестн. Омского гос. ун-та. 1999. Вып. 2.
- Томилов 2000 – Томилов Н.А. Об этноархеологии как научном направлении российской науки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000.
- Шнирельман 1984 – Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // Сов. этнография. 1984. № 4.
- Шнирельман 1988 – Шнирельман В.А. Этноархеология // Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988.
- Allchin 1994 – Living tradition: Studies in the Ethnoarchaeology of South Asia / Ed. B. Allchin. Oxford, 1994.
- Balicki 1970 – Balicki A. The Netsilik Eskimo. N.Y., 1970.
- Bamforth 1986 – Bamforth D. Technological efficiency and tool curation // American Antiquity. 1986. № 51.
- Bettinger 1991 – Bettinger R.L. Hunter-Gatherers. Archaeological and Evolutionary Theory. N.Y., 1991.
- Beyries, Petrequin 2001 – Beyries S., Petrequin P. Ethno-Archaeology and its Transfers. BAR International Series, 2001.
- Binford 1962 – Binford L.R. Archaeology as Anthropology // American Antiquity. 1962. № 28.
- Binford 1983 – Binford L.R. In Pursuit of the Past. L., 1983.
- Binford 2000 – Binford L.R. Constructing Frame of Reference. University of California Press, 2000.
- Clarke 1958 – Clarke D.L. Analytical Archaeology. L., 1958.
- David, Kramer 2001 – David N., Kramer C. Ethnoarchaeology in Action. Cambridge, 2001.
- Gamble, Boismier 1991 – Ethnoarchaeological Approaches to Mobile campsites. (Hunter-Gatherers and Pastoralist Case Studies) / Eds. C. Gamble, W. Boismier Ann Arbor, 1991.
- Goodyear et al. 1978 – Goodyear A.C., Raab L.E., Klingler T.C. The status of archaeological research design in cultural research management // American Antiquity. 1978. № 43.
- Gould 1969 – Gould R.A. Subsistence behaviour among Western Desert Aborigines // Oceania. 1969. № 39.
- Grøn et al. 1999 – Grøn O., Holm O.I., Tommervik H., Kuznetsov O. Reindeer Hunters and Herders: Settlement Patterns and Environmental Impact // Kulturminneforskningens mangfold. NIKU 1994–1999. Oslo, 1999.
- Grøn et al. 2001 – Grøn O., Kuznetsov O., Turov M. Cultural micro-mosaics – a problem for archaeological culture concept // Scandinavian archaeological practice – in theory / Ed. J. Bergstøl. Oslo, 2001.
- Grøn, Kuznetsov 2001 – Grøn O., Kuznetsov O. Ethnographical and Ethnoarchaeological data on spatial organization of dwellings in Eurasia. Paleolithic traditions? // XIV Intern. Congr. of Prehistoric and Pritohistoric sciences. Liege, 2001.
- Grøn, Kuznetsov 2003a – Grøn O., Kuznetsov O. Ethnoarchaeology among Evenkian forest hunters. Preliminary results and a different approach to reality // Mesolithic on the Move. Oxbow Books, 2003.
- Grøn, Kuznetsov 2003b – Grøn O., Kuznetsov O. Evenki Forest Hunters. Ethnoarchaeology and the Archaeological Settlement Concept // Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia / Eds. A. Weber, H. Mackenzie. Canadian Circumpolar Institute, 2003.
- Kelly 1995 – Kelly R.L. The Foraging Spectrum. Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways. Smithsonian Institution press, 1995.
- Lee 1969 – Lee R.B. !Kung Bushman subsistence: An input – output analysis // Contributions to Anthropology: Ecological Essays. Ottawa: National Museum of Canada Bull. 1969. Vol. 230.

- Nordic* 1989 – Nordic perspectives on cultural and political ecology. Umea University. 1989. № 9.
Peoples, Bailey 1991 – *Peoples J., Bailey G.* Humanity: An Introduction to Cultural Anthropology. 1991.
Renfrew, Bahn 2000 – *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology: Theories, Methods and Practice. L., 2000.
Steward 1938 – *Steward J.H.* Basin – Plateau aboriginal sociocultural groups // Bureau of American Ethnology Bull. 1938. Vol. 120.
Thomas 1979 – *Thomas D.H.* Archaeology. N.Y., 1979.
Torrence 1983 – *Torrence R.* Time budgeting and hunter-gatherer technology // Hunter-Gatherers economy in Prehistory: A European perspective. Cambridge, 1983.
Ethnoarchaeology 2004 – Ethnoarchaeology of the Prehistory: beyond Analogy. Barcelona, 2004.

O.V. Kuznetsov. Processual Archaeology and Ethnoarchaeology of Hunters and Gatherers

The author makes a point that the close attention of ethnoarchaeology toward communities of hunters and gatherers is quite reasonable, since the study of material culture and social organization of the latter has been always important for archaeological research on earlier epochs. Hunting and gathering had once been a universal type of social and cultural adaptation of the humankind. The understanding of adaptation processes, however, depends on the volume of information about human behavior in early societies. This is why ethnographic, ethnoarchaeological, and ethnohistorical data appear useful both in the making of archaeological analysis and in the verification of archaeological interpretations.